

История

«Открытие» Китая капиталистическим миром и начало процесса модернизации страны (вторая половина XIX в.)

© 2019

Г.Н. Романова

В статье рассматривается первый этап модернизации Китая, который начался во второй половине XIX века под воздействием внешнего фактора — насильственного «открытия» страны ведущими державами Запада. Отмечается экзогенный тип экономической модернизации Китая. Констатируются наметившиеся в последнее время изменения в историографии по оценке «открытия» Китая, которое оказало влияние на ускоренное развитие страны по капиталистическому пути и явилось стимулом к проведению модернизации.

Ключевые слова: экономическая модернизация Китая, колониальная политика, капиталистические державы, внешняя торговля, промышленная революция, иностранный капитал, традиционное общество.

DOI: 10.31857/S013128120004646-1

Главное содержание международных отношений на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. определялось борьбой сильнейших капиталистических держав за приобретение колониальных владений. Промышленная революция резко ускорила развитие производительных сил в странах Западной Европы и Северной Америки: за 1820–1860 гг. объем производства и промышленности вырос в 6,5 раза. При этом на четыре страны — Англию, Францию, США и Германию — приходилось около 4/5 всей производимой промышленной продукции. Нарастающая диспропорциональность развития, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства стала балансироваться расширяющимся разделением труда. Концентрация промышленного производства стимулировала развитие международной торговли, которая выросла за 1820–1860 гг. в 7,5 раза, т.е. темпы ее роста были примерно на 1/7 выше, чем темпы развития промышленности¹.

Американский ученый И. Валлерстайн подчеркивал: «Миро-система модернизируется, представляя собой капиталистическое миро-хозяйство, и это означает, что ею управляет стремление к безграничному накоплению капитала... Эта миро-система сформировалась на протяжении XVI в., и первоначально сложившееся в ней разделение труда вовлекло

Романова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
E-mail: galnikrom@yandex.ru.

в ее состав большую часть Европы (за исключением Российской и Османской империй), а также отдельные части [обеих] Америк.

Эта миро-система территориально расширялась многие столетия, последовательно инкорпорируя в принятую в ней систему разделения труда все новые регионы. Восточная Азия стала последним большим регионом из тех, которые были таким образом инкорпорированы, и это произошло лишь в середине XIX в., после чего миро-систему модернизировать можно было считать поистине всемирной, первой из миро-систем, которой удалось охватить весь земной шар»².

Модернизация в Китае в XIX — первой половине XX в. развивалась не под воздействием самостоятельно протекавших в обществе процессов, а прежде всего в результате влияния западных держав, в условиях незавершенности этапа первоначального накопления капитала, складывания внутреннего рынка. Модернизационные процессы проходили в большей степени под воздействием внешнего фактора, носили экзогенный тип. В этот период осуществлялся переход от традиционного, аграрного общества к новому, индустриальному³. Первый этап 1840–1910 гг. — начало модернизации Китая, которая проходила на 100 лет позже, чем в развитых странах. Ее целью было спасти страну от западного вторжения⁴.

Наиболее активную колониальную политику на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. проводила Англия. За ней следовали Франция и США, также стремившиеся воспользоваться отсталостью стран Восточной Азии, навязать им неравноправные отношения и договоры. Китай стал главным объектом торговой, военной и политической экспансии этих держав. С «открытием» Китая для иностранной торговли в результате «опиумных войн» (1840–1842 и 1856–1860 гг.) он стал превращаться в часть мирового капиталистического рынка⁵. В соответствии с первым неравноправным англо-китайским договором 1842 г. Англия добилась открытия для иностранной торговли пяти портов на побережье Китая (Шанхай, Кантон, Амой, Нинбо и Фучжоу); закрепления на «вечные времена» за ней Гонконга (Сянган); получила право экстерриториальности и организации селтльментов; в отношении Англии был установлен принцип наибольшего благоприятствования и т.п. После второй «опиумной войны» Китаем были заключены новые кабальные договоры с Англией и Францией. В тарифном соглашении, подписанном в Шанхае в ноябре 1858 г., опиум по настоянию англичан и французов был включен в список товаров, которые разрешалось беспрепятственно ввозить в Китай, выплачивая таможенные пошлины⁶.

Кроме Англии, Франции и США, многие небольшие капиталистические страны, такие, как Португалия, Бельгия, Швеция, Голландия, Испания, также усиленно стремились подписать с цинским правительством договоры с целью получения таких же особых прав, которых добились для себя крупные державы. С целью оправдания политики западных держав в отношении Китая видный американский историк, профессор Гарвардского университета Дж. Фэйрбэнк делает ссылку на то, что Цинская империя не соглашалась признать западные капиталистические государства равноправными партнерами и тем самым препятствовала развитию торговых и экономических связей с ними⁷. Отсюда следует, что «система договоров» как бы явилась приобщением Китая к этим отношениям.

Основным выражением политики капиталистических держав в отношении Китая в тот период являлось закрепление созданной ими в 1842–1860 гг. системы неравноправных договоров. В результате «опиумных войн» внешняя торговля Китая была подчинена иностранному капиталу. Китай стал утрачивать независимость и превращаться в полуколониальное государство. Опираясь на превосходство на море и более развитую по сравнению с другими странами Запада промышленность, Англия стояла в авангарде государств, проводивших экспансионистскую политику на Дальнем Востоке. Она занимала господствующее положение и во внешней торговле Китая. Так, например, из 219

иностранных фирм, действовавших в 1855 г. в Гонконге и 5 открытых портах, 111 были английскими и 45 индийскими, которые также контролировались Англией; США представляли лишь 23, Германию — 7, Францию — 6 фирм. Свыше 60% торговых операций в этих портах приходилось на британские компании. Из 300 иностранных морских судов, занимавшихся внешнеторговыми перевозками в китайских водах в 40-х годах, более 2/3 принадлежало англичанам. В 1871 г. на английский тоннаж приходилось 68% всех иностранных грузов, в то время как американский тоннаж составлял в 1875 г. 8%, немецкий в 1871–1874 гг. — около 7,4%, японский — 6,4%⁸.

По Тяньцзиньскому договору 1858 г. России были предоставлены такие же права, как США, Англии и Франции. С этого времени Россия и Китай получили возможность вести не только сухопутную приграничную торговлю, но и морскую; русские купеческие суда могли приходить в открытые порты⁹. Важным условием Тяньцзиньского договора служило предоставление России прав как наиболее благоприятствуемой нации, а ее подданным — права экстерриториальности. Однако оттого, что Россия в середине XIX в. только начала развивать морскую торговлю на Дальнем Востоке, воспользоваться этими правами в полной мере она не могла и по-прежнему основное внимание уделяла сухопутной торговле. Только с середины 1880-х годов российские корабли стали регулярно посещать Гуанчжоу и Шанхай: в начале 1890-х годов стоимость доставлявшихся ими в Одессу китайских товаров приближалась к уровню русского ввоза через Кяхту¹⁰.

В отличие от западноевропейских стран и США, осуществлявших колониальную торговлю с Китаем, Россия не ввозила в эту страну опиум. Еще в 1841 г. в России был издан указ, официально запрещающий торговлю опиумом. В декабре 1843 г. последовал новый указ о запрете продажи опиума и о предании военному суду тех, кто нарушал его. Неизменная позиция России в этом вопросе была также подтверждена в русско-китайском Санкт-Петербургском договоре (ст. 15 Правил для сухопутной торговли)¹¹.

Во второй половине XIX в. основными экспортными товарами Китая были чай и шелк. В 1867 г. доля чая в стоимости китайского экспорта достигала 59%, шелка — 39%. В 1871 г. они составляли 92% в совокупном экспорте, в 1880 г. — 80%¹². В 1875 г. на чай, закупленный Англией, приходилось 53% общего экспорта Китая, на шелк-сырец, который вывозился в основном из Маньчжурии и провинции Сычуань, — 36%¹³. Резко возрос импорт в Китай английских хлопчатобумажных изделий. Значительное место в торговле Англии с Китаем по-прежнему занимал опиум, который стал поступать на китайский рынок без каких-либо ограничений¹⁴. Стоимость ввезенного в 1867 г. опиума составляла 46% всего импорта Китая, на 2-м месте были хлопчатобумажные ткани — 31% в 1870 г.¹⁵ К 1885 г. хлопчатобумажные изделия вышли на 1-е место, составив 35,7% ввоза, опиум переместился на 2-е место — 28,8%¹⁶. Характеризуя результаты «опиумных войн», русский китаевед академик В.П. Васильев писал: «Прежде курили немногие, и то в некоторых приморских городах. Ныне курят не только во всем Китае, но даже и в Монголии, и Маньчжурии; прежде курили тайком, ныне вместо обычной чашки чаю предлагают опиумную трубку. Прежде курили опиум, продаваемый одними англичанами, ныне разводят его... по всем провинциям»¹⁷. Ввоз опиума тяжело отразился на финансовом положении Китая.

В 1868 г. на долю Британской империи (включая Гонконг и Индию) приходилось более 90% импорта Китая (Великобритания — 33,4%, Гонконг — 21,4 и Индия — 35,6%). В экспорте Китая доля Великобритании составляла 61,8%, Гонконга — 13 и Индии — 0,4%. В целом удельный вес Британской империи составлял 75,1% внешнеторгового оборота Китая. Доля США в 1870 г. равнялась 6,7%, Японии — 3,2%¹⁸. Торговля с Китаем капиталистических государств — Англии, США, Франции — во второй половине XIX в. приобрела типично колониальный характер: импорт намного превышал экспорт, ввозилось в основном сырье и полуфабрикаты. Так, в 1854 г. в Англию и ее колонии было вывезено из Китая чая на 15 млн долл. и шелка на 9, 2 млн долл.,

т.е. всего более чем на 24 млн долл., в то время как Англия экспортировала в Китай мануфактурных товаров лишь на 4 млн долл. Пассив был покрыт за счет контрабандного ввоза в Китай опиума¹⁹.

Рост торговой экспансии Запада вел к превращению Китая в рынок сбыта промышленной продукции, прежде всего предметов потребления. В 1873–1893 гг. средства производства составляли только 8% общей стоимости китайского импорта. В 1893 г. в импорте Китая машины, крупные инструменты и орудия труда составляли по стоимости лишь 0,6%²⁰.

Неравноправность торговли западноевропейских государств и США с Китаем проявлялась и в том, что их коммерсантам предоставлялось право «сбыть свои товары на китайском рынке и вывозить сырье»²¹, китайские же купцы не имели возможности вести торговлю непосредственно в Европе и США. Важным фактором, способствовавшим одностороннему проникновению иностранных фабричных изделий в Китай, служили низкие импортные пошлины. По условиям договоров, заключенных Англией и другими государствами с Китаем, пошлины на ввозимые ими товары устанавливались в размере около 5% объявленной стоимости товара (прежде они были выше примерно в 2–4 раза). Взамен всех внутренних сборов и налогов иностранцы при ввозе своих товаров в глубинные провинции страны уплачивали всего лишь 2,5% их стоимости. Внутренние же сборы (*лицзинь*) с китайских товаров в некоторых районах составляли 10–20% и более. Привилегии иностранных торговцев тормозили развитие национальной промышленности и торговли Китая. В конце XIX в. экспортные пошлины на китайские товары превышали импортные пошлины почти в 2 раза²².

Другим средством закабаления Китая было лишение его таможенной независимости. Таможенная служба в Китае находилась в руках английского генерального инспектора. Англичане контролировали и другие источники доходов цинского правительства, в том числе поступления от соляного налога, что давало им возможность систематически вмешиваться во внутренние дела Китая. В англо-американской историографии назначение в 1863 г. англичанина Роберта Харта генеральным инспектором морских таможен Китая преподносится как «великое достижение в содействии развитию торговли, а также в целом модернизации Китая». С 1864 г. морские таможи стали публиковать ежегодные отчеты по внешней торговле Китая, который почти всегда имел пассивное сальдо²³. Как отмечал китайский историк Пэн Юйсинь, система таможенных пошлин, установленная после «опиумных войн», стала не только рычагом осуществления товарной экспансии и роста иностранных капиталовложений в Китае. Она явилась продолжением неравноправных договоров так же, как договоры о портах, учреждении иностранных поселений, экстерриториальности иностранцев, праве свободного плавания по внутренним рекам страны и т.д.²⁴

Дефицит внешней торговли Китая в 1868 г. составлял 1,4 млн таможенных лянгов (единица для исчисления таможенных пошлин, в конце XIX — начале XX в. ее курс равнялся примерно 1,2–1,5 руб.), в 1890 г. он возрос до 39,9 млн таможенных лянгов. К 1893 г. 28 городов Китая были открыты для иностранной торговли²⁵. Правящие круги Цинской империи не оказывали серьезного сопротивления колониальной экспансии западноевропейских государств и США. Кроме того, часть помещиков и чиновников, а также купцы-компрадоры, наживаясь на иностранной торговле, способствовали усилению позиций держав Запада в Китае.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. показала слабость Китая, отсталость его армии и флота. По условиям Симоносекского договора, подписанного 17 апреля 1895 г., Китай должен был отказаться от сюзеренитета над Кореей, уплатить контрибуцию в 200 млн лянгов, передать Японии о-в Тайвань и о-ва Пэнхуледао, южную часть Маньчжурии, включая Ляодунский полуостров²⁶. Одним из важнейших пунктов Симоносекского договора было обязательство Китая заключить неравноправный договор с Японией

о торговле и мореплавании по образцу аналогичных договоров с западными государствами и распространить на нее права наиболее благоприятствуемой нации. Принципиально новым условием Симоносекского договора было разрешение японским подданным заниматься предпринимательской деятельностью. Это давало возможность эксплуатации Цинской империи не только посредством торговли, но и путем ввоза в страну капиталов. Экономические привилегии, навязанные Японией Китаю на основе права наиболее благоприятствуемой нации, автоматически распространялись и на другие державы, имевшие с Китаем неравноправные договоры²⁷.

Как отмечал китайский историк Цянь Иши, Симоносекский договор явился краеугольным камнем в истории Китая. После него экономика страны была взята под контроль различными капиталистическими государствами, что вело к медленной гибели Китая²⁸. Историки Китая также констатировали, что «вторжение иностранного капитала, с одной стороны, уничтожило основу экономической независимости страны, разрушило кустарное ремесленное производство; с другой — ускорило развитие Китая по капиталистическому пути»²⁹.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. явилась важной вехой в истории международных отношений на Дальнем Востоке. Симоносекский договор, ослабление Китая, захват Японией Кореи послужили толчком к борьбе капиталистических держав за железно-дорожные концессии, за предоставление цинскому правительству кабальных займов, за раздел Китая на «сферы влияния».

В ходе военной, экономической и политической экспансии капиталистических держав складывалась целая система средств насильственного вовлечения ранее «закрытого» китайского общества в общемировую структуру «Восток—Запад» — система так называемых капитуляций (неравноправные договоры, низкие ввозные тарифы, иностранный таможенный контроль, права экстерриториальности, импорт капитала, финансовая зависимость, внешние займы, контрибуции, раздел страны на «сферы влияния», железнодорожные концессии и т.д.). Практически все навязанные Китаю «гарантии» против возврата к изоляции были вместе с тем орудием ускорения синтеза традиционного и современного (китайского и западного). Полоса «разрушения» — неизбежная начальная стадия синтеза — преобладала до середины 90-х годов XIX в. Затем с началом ввоза капитала на первый план выдвинулась конструктивная сторона влияния Запада³⁰.

В работах отечественных востоковедов «Многообразие, противоречивость, целостность. XX век» и «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» отмечается что «основным направлением модернизации восточных обществ до независимости была вестернизация, т.е. буржуазная модернизация в колониальной форме. Это было обусловлено тем фактом, что все эти страны были насильственно включены в колониальную систему империализма»³¹.

В отечественной историографии большинство авторов придерживались отрицательной оценки иностранного присутствия в Китае. Это прежде всего работы Л.А. Березного и А.А. Мурадяна³². Колониализм, по их мнению, послужил одной из важнейших преград для модернизации общества. Л.А. Березный в своих работах, посвященных критике американской историографии, подчеркивает, что причины отсталости и крайне медленной модернизации Китая следует искать не во внутреннем устройстве, а во вмешательстве Запада в собственный ход развития Китая. Л.А. Березный рассматривает систему неравноправных договоров как орудие колониальной экспансии западных стран³³.

В последнее время в определенной степени меняется отношение к проблеме колониализма и его значению в формировании мирового рынка, процессу экономической модернизации стран. Л.С. Васильев в коллективной монографии «Альтернативные пути к цивилизации» следующим образом характеризует трансформацию значимости колониализма. Первая стадия колониализма (XVI—XVIII вв.) — это время торговой экспан-

сии европейцев, поиски путей к восточным странам, борьба за восточные рынки. За пряности европейцам нужно было платить драгоценными металлами, так что именно на Восток потекла большая часть вывезенного из Америки золота и серебра. С начала XIX в. наступил второй период колониализма с его активной промышленной экспансией и резким ростом территориальных приобретений в разных регионах Востока. Мощное давление индустриальной экономики и политической силы европейского колониального капитала поставило под вопрос дальнейшее существование привычной традиционной структуры и всего стиля жизни на Востоке. Наряду с привычными для Востока государственным и строго контролируемым частным секторами хозяйства, появился новый, колониально-капиталистический, со свойственными ему свободным и защищенным правами и привилегиями рынком и энергично функционирующими в его пространстве частными собственниками-предпринимателями. Все новое и современное пришло на Восток из Европы в результате процесса вестернизации и модернизации. Именно колониализм сблизил современный Восток с Западом³⁴.

Нельзя не учитывать и прогрессивные стороны капиталистической модернизации, даже протекавшей в колониальной оболочке. Колониализм и мировой капитал включили восточные общества в систему всемирного обмена и общения, открыли доступ, пусть не очень широкий, к научно-техническому прогрессу и современному знанию³⁵.

Г.К. Широков в работе «Восток: панорама новейшего времени» подчеркивает, что становление индустриальной системы в Западной Европе, Северной Америке, а позже и в Японии, начавшееся в ходе промышленного переворота, было тесно связано с превращением остального мира в продовольственно-сырьевую периферию. Видимо, промышленный переворот не был бы завершен, если бы индустриальные державы того времени не смогли получать с периферии дефицитные продовольственные и сырьевые товары, оплачивая их поставками готовых промышленных изделий. В свою очередь, периферия без этих поставок не смогла бы развивать необходимые ей современные отрасли промышленности, позволявшие поддерживать продовольственно-сырьевую ориентацию³⁶.

Л.А. Березный, анализируя работы историков КНР, выделяет две концепции. Для сторонников первой концепции основной целью ставилось завоевание подлинной национальной независимости и модернизации страны, которая не получила большого развития главным образом из-за империалистического угнетения. Сторонники второй концепции указывают на значительность успехов модернизации в 1840–1949 гг., и именно в этом они видят содержание исторического процесса. «Открытие» Китая в результате «опиумных войн» и иностранная экспансия рассматриваются ими не столько в качестве препятствия модернизации, сколько как стимул к ее разворачиванию. Подразумевается, что «политический радикализм» революционного движения был фактором, сдерживавшим модернизацию. Наблюдается очевидное стремление выявить связи современных проблем с историческим прошлым, с тем чтобы найти и в последнем точки опоры для ответа на «вызовы» времени³⁷.

Таким образом, можно констатировать, что развитие торговых связей Запада с Китаем во второй половине XIX в. сопровождалось его насильственным «открытием». Капиталистическими державами были использованы различные формы экспансии, что вело к превращению страны в полуколониальное, полуфеодальное государство. Вместе с тем происходила трансформация китайского общества, формировался синтез традиционного (восточного) и современного (западного), характеризовавший переходное состояние страны, создавалась многоукладная экономика.

Экономическая модернизация Китая имела прежде всего экзогенный тип. Она в значительной степени развивалась не под влиянием внутренних процессов, а была привнесена извне западными державами. Взаимодействие «Запад—Восток» было двусторонним и обоюдным. Азиатские страны являлись не только объектом, но и субъек-

том экономических процессов. Вовлечение Китая в мировое хозяйство сопровождалось противоречивыми последствиями. С одной стороны, иностранные инвестиции подрывали устои восточного общества, с другой стороны, закладывали материальную основу развития капитализма.

1. Широков П.К. Промышленная революция в странах Востока. М.: Наука, 1981. С. 14, 39.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / под ред. В.И. Иноземцева; пер. с англ. М.: Логос, 2004. С. 50.
3. Романова Г.Н. Экономическая модернизация Китая XIX — первой половины XX вв. в оценке отечественной и зарубежной историографии // Известия Восточного института. Владивосток. 2016. № 2. С. 34.
4. Асыл М.Б. Основные этапы модернизации Китайской Народной Республики // Вестник КазНУ. Серия «Востоковедение». 2012. № 4. С. 3–7. URL: <http://www.articlekz.com/article7314> (дата обращения: 15.10.2014).
5. Фурсенко А.А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1956. С. 16; Непомнин О.Е. Возникновение капитализма в крестьянских и текстильных промыслах Китая. XVIII—XIX вв. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М.: Наука, 1968. С. 443; Дин Миннань. Дигочжуи цинхуа ши: [История империалистической агрессии в Китае]. Пекин, 1973. С. 10.
6. Гримм Э.Д. (сост.). Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд. Ин-та востоковедения, 1927. С. 44–45, 47–48; Зарина Л.Л., Лившиц С.Г. Британский империализм в Китае (1896–1901). М.: Наука, 1970. С. 6; Пескова Г.Н. Иностранная торговля опиумом в Китае и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 400.
7. Fairbank J.K. Trade and diplomacy on the China Coast. The opening of the treaty ports 1842–1854. Stanford (California), 1969. P. 74.
8. Сладковский М.И. Китай и Англия. М.: Наука, 1980. С. 67; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1987. С. 45; Ting Mienliu. The development of China's foreign trade // Chinese Economic journal. Peking. 1932. Vol. 10. № 3. P. 236–238.
9. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: Изд. М-ва иностр. дел, 1889. С. 124–125; Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 31–32.
10. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. С. 282.
11. Русско-китайские отношения... С. 65; Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 422.
12. Morse H.B. The trade and administration of China. 3-rd rev. ed. Shanghai, Hong Kong and others, 1921. P. 318; Feuerwerker A. The Chinese Economy. 1912–1949. Ann-Arbor, 1968. P. 70.
13. Зарина Л.Л., Лившиц С.Г. Указ. соч. С. 8.
14. Чжунго цзиньдай цзинцзи ши тунцзи цзыляо сюаньцзи: [Сборник статистических материалов по экономической истории Китая в новое время] / сост. Янь Чжунпин и др. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1955. С. 62; Е Хошэн. Цзяньмин Чжунго шихуа: [Краткая история Китая]. Т. 1. Пекин: Чжунго циньянь чубаньшэ, 1954. С. 70.
15. Morse H.B. Op. cit. P. 313; Ting Mienliu. Op. cit. P. 18.
16. Чжунго цзиньдай цзинцзи ши... С. 79.
17. Васильев В.П. Открытие Китая. СПб. С. 163–164; Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 393.
18. Ho Pingyin. The foreign trade of China. Shanghai: Commercial press, 1935. P. 45, 155; Latham A.J.H. Merchandise trade imbalances and uneven economic development in India and China // The journal of European economic history. Roma. 1978. Vol. 7. № 1. P. 54, 57.
19. Пескова Г.Н. Указ. соч. С. 394.

20. *Непомнин О.Е.* Экономическая история Китая (1864–1894 гг.). М.: Наука, 1974. С. 209; *Горелик С.Б.* Политика США в Маньчжурии в 1898–1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 16.
21. Чжунго цзиньдай цзинцзи ши... С. 57; *Кун Цзинвэй.* Чжунго цзинцзи шишандэ цзигэ вэньти: [Некоторые вопросы истории экономики Китая]. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1957. С. 52.
22. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР / под ред. М.И. Сладковского. М.: Мысль, 1974. С. 18; *Меликсетов А.В.* Бюрократический капитал в Китае. М.: Наука, 1972. С. 19; *Сладковский М.И.* Китай и Англия... С. 56–57; Новая история Китая. М.: Наука, 1972. С. 268.
23. *Fairbank J.K., Reicher E.D., Graig A.M.* East Asia. The modern transportation. L., 1973. P. 561, 580; *Chan W. K.K.* Merchants, mandarins and modern enterprise in late Ching China. Cambridge (Mass), 1977. P. 27.
24. *Пэн Юйсинь.* Циндай гуаньшуй чжиду: [Система таможенных пошлин в период правления династии Цин. XVII—XX вв.]. Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1956. С. 1.
25. *Ho Pingyin.* Op. cit. P. 15–16; *Latham A.J.H.* Op. cit. P. 53; *Feurwerker A.* The foreign establishment in China in the early twentieth century. Ann Arbor: Center for Chinese studies, the Univ. of Michigan, 1976. P. 2.
26. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Китайский стол. 1895 г. Д. 113. Л. 163–167; *Гримм Э.Д.* (сост.). Указ. соч. С. 94–97.
27. *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая... С. 49.
28. *Цянь Иши.* Чжунго цзэммаян цзяндао баньчжиминьдэ: [Как Китай стал полуколониальной страной]. Пекин: Синь циннянь сюеши цуншу, 1951. С. 98.
29. Чжунго цзиньдай цзинцзи ши... С. 137.
30. *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Вост. лит., 1999. С. 21, 48–49.
31. XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М.: Наука, 1996. С. 14; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Наука, 1984. С. 14.
32. *Березный Л.А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая: проблемы общественного развития в 19 — первой половине 20 в. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968; *Он же.* Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М.: Наука, 1972; *Мурадян А. А.* Американская историография Тихоокеанской политики США в XIX веке. Критика основных концепций. М.: Наука, 1975; *Он же.* «Историография» против истории. Современные американские историки о колониальной политике США в XIX веке // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 4. С. 113–123.
33. *Березный Л. А.* Критика методологии американской буржуазной... С. 3–6, 18–19, 36–37, 39–42, 150, 222.
34. *Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 105–107.
35. Эволюция восточных обществ... С. 147; *Романова Г.Н.* Экономическая модернизация Китая... С. 40.
36. *Широков Г.К.* Восток: панорама новейшего времени. Избранные труды. М.: ИВ РАН, 2003. С. 579.
37. *Березный Л.А.* К дискуссиям в исторической науке КНР // Китай на пути модернизации и реформ: Тез. докл. X Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 1999. Ч. 2. С. 99–103.